

Шенрок Владимир Иванович

Материалы для биографии Гоголя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
В57

В57 **Владимир Иванович Ш.**
Материалы для биографии Гоголя / Шенрок Владимир Иванович – М.: Книга по Требова-
нию, 2026. – 353 с.

ISBN 978-5-521-30981-8

ISBN 978-5-521-30981-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Не только въ русской, но и во всемірной литературѣ не-много найдется именъ, съ которыми былъ бы соединенъ столь обильный и разносторонній интересъ, преимущественно съ точки зрѣнія психологической, какъ съ именемъ Гоголя; но полное разъясненіе такого сложнаго характера станетъ возможно не раньше, чѣмъ тщательная разработка внѣшнихъ біографическихъ фактовъ откроетъ наконецъ путь къ полному и всестороннему объясненію внутренней, интимной жизни нашего писателя. Дружными усилями изслѣдователей и особенно добросовѣстной взаимной провѣркой добытыхъ результатовъ можно и теперь сдѣлать многое въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что первыя вѣхи удачно поставлены не только современниками Гоголя, напр. въ извѣстномъ сочиненіи г. Кулиша, и въ замѣткахъ, принадлежавшихъ автору „Гоголевскаго періода русской литературы“, но и множествомъ трудовъ позднѣйшихъ, частью притомъ первостепеннаго достоинства. Не говоримъ уже о весьма цѣнныхъ воспоминаніяхъ людей, знавшихъ лично Гоголя и иногда вполнѣ образованныхъ литературно, какъ Анненковъ и С. Т. Аксаковъ. Особенно этотъ матеріалъ былъ обогащенъ прекрасной статьей о Гоголѣ въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“ А. Н. Пышина и чтеніями и статьями профессора Тихонравова (объ отношеніяхъ Гоголя къ Пушкину и къ извѣстному артисту Щепкину). Въ настоящее время по мѣрѣ постоянного накопленія въ печати новыхъ біографическихъ матеріаловъ и вновь

издаваемыхъ писемъ, нерѣдко дающихъ ключъ къ оцѣнкѣ истиннаго характера отношеній Гоголя къ его многочисленнымъ корреспондентамъ, наступаетъ, повидимому, время для попытокъ проникнуть въ самую сущность этихъ отношеній или, по меньшей мѣрѣ, поставить на очередь вопросы, ожидающіе въ близкомъ будущемъ полнаго и удовлетворительнаго разрѣшенія. Обнародованная до сихъ поръ переписка Гоголя, правда, все еще не полна, хотя пробѣлы становятся уже сравнительно небольшими; только недавно изданы письма къ нему графа и графини Толстыхъ, остаются неизданными письма къ Гоголю Максимовича, Шевырева и отчасти Погодина, но особенно, очень важныя и любопытныя письма его духовника о. Матвѣя; нѣкоторыя письма, конечно, появятся еще въ печати; переписка же съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Ивановымъ, Данилевскимъ, Смирновой и Вельгорскими известна почти въ полномъ объемѣ. Къ сожалѣнію, съ другой стороны, иные изъ высшей степени любопытныхъ и важныхъ документовъ, остающихся до сихъ поръ неизданными, какъ напримѣръ письма о. Матвѣя, едва-ли уже не утрачены безнадежно. Спаси, что возможно, и предупредить, насколько позволятъ обстоятельства, исчезновеніе кое-какихъ уцѣлѣвшихъ преданій—вотъ задача, откладывая исполненіе которой, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ.

Мы встрѣчаемъ, однако, довольно существенное и во многомъ весьма справедливое возраженіе. Если всѣми безповоротно признаво право подвергать разбору произведенія живыхъ и умершихъ писателей, то нельзя не признать, что изученіе ихъ личности представляется до сихъ поръ дѣломъ крайне затруднительнымъ и щекотливымъ. „Я не сочувствую стремленію рыться глубоко въ частной, интимной жизни писателя, художника, ученаго“, сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ самыхъ маститыхъ и уважаемыхъ представителей нашей литературы, нынѣ уже покойный Гончаровъ, голосъ котораго имѣетъ безспорное право на вниманіе. „Поэтъ, ученый, живописецъ, ваятель“—читаемъ мы дальше,—„выражаютъ то или другое, что они хотѣли выразить такъ или иначе въ своихъ твореніяхъ, и надо бы, по здравому смыслу и чувству справедливости, довольствоваться тѣмъ, что выражено въ книгахъ, поэзіи, картинахъ и изданіяхъ этихъ дѣятелей, и подвергать послѣднія суду критики за выраженное

ими¹⁾. Напротивъ, изученіе личной жизни историческихъ дѣятелей по этому взгляду представляется какъ будто нежелательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, безпристрастный анализъ личности, даже стоящей высоко во всѣхъ отношеніяхъ, но, безъ сомнѣнія, все-таки не свободной отъ недостатковъ, самоуправно сводить генія съ занимаемаго имъ пьедестала и, подвергая его суду общественнаго мнѣнія, неизбѣжно открываетъ нѣкоторыя непріятныя стороны, особенно нежелательныя для памяти тѣхъ, чьи созданія такъ прочно стоятъ на недостижимой высотѣ. Въ жизни не все совершается такъ, какъ бы намъ того хотѣлось; не всѣ воспоминанія о прошломъ одинаково пріятны, и всякое извлеченіе изъ архива фактовъ постепенно забываемаго прошлаго рискуетъ встрѣтить поневолѣ не всегда исключительно отрадные черты. Но мнѣ кажется, что всѣ указанные соображенія справедливы ровно настолько, насколько касаются злоупотребленій; непредубѣжденное же уясненіе замѣчательной личности составляетъ, по моему мнѣнію, безспорное право потомства: иначе невозможна никакая біографія. Другое дѣло, когда изслѣдованіе предпринимается въ самомъ дѣлѣ съ цѣлью „судить, трепать, казнить или миловать“. Постараемся поэтому сохранить бережное и осторожное отношеніе ко всѣмъ лицамъ, о которыхъ предполагаемъ говорить въ настоящей книгѣ, не принимая на себя, однако, обязанности избѣгать поводовъ къ раздраженію со стороны чьей-либо чрезмѣрной щепетильности. Если намъ не вездѣ это удастся, то пусть будетъ принято въ соображеніе то прискорбное обстоятельство, благодаря которому, при всемъ желаніи отнестись съ осторожностью къ упомянутымъ щекотливымъ вопросамъ, автору не всегда возможно было обходить ихъ, такъ какъ каждая вынужденная недомолвка встрѣчала со стороны нѣкоторыхъ близорукихъ критиковъ яростныя нападенія, вынуждающія говорить подробно о томъ, чего хотѣлось бы коснуться лишь мимоходомъ²⁾.

Въ настоящее время нашъ трудъ, несомнѣнно, не свободенъ отъ довольно существенныхъ и крупныхъ пробѣловъ, для

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1889, III, 83—84.

²⁾ Мы имѣемъ здѣсь и во многихъ другихъ мѣстахъ въ виду автора брошюры „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“.

пополненія которыхъ пока не имѣется данныхъ. Такъ, было бы весьма важно, безъ сомнѣнія, не допустить преобладанія прозаическихъ подробностей обыденной жизни писателя надъ изображеніемъ благороднѣйшихъ сторонъ его духовной природы, обнаруженныхъ (въ разсматриваемый въ предлагаемомъ томѣ періодъ) глубокимъ, задушевымъ чувствомъ въ заключительныхъ страницахъ „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“, во многихъ мѣстахъ „Тараса Бульбы“, въ „Шинели“, въ которыхъ такъ ярко горитъ свѣтлый лучъ высокой безкорыстной любви автора къ людямъ; хотѣлось бы также ввести собранныя данныя о жизни Гоголя въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ рамку болѣе широкаго разсказа и подробнѣе и ярче представить участіе нашего поэта во внутренней, интимной жизни того литературнаго круга, котораго онъ составлялъ одно изъ блестящихъ украшеній: но исполненіе этихъ задачъ принадлежитъ уже будущему, такъ какъ, напр., для второй изъ нихъ потребовалась бы предварительная работа очень широкаго объема, едва-ли осуществимая въ данную минуту, при наличномъ состояніи источниковъ.

Но кромѣ того, что касается упрека въ томъ, что въ нашемъ трудѣ не вездѣ проведена строгая послѣдовательность въ распредѣленіи во всѣхъ подробностяхъ собранныхъ нами матеріаловъ; то въ оправданіе мы должны указать на большое количество разнородныхъ данныхъ переписки Гоголя, съ самаго начала поступавшей въ наше распоряженіе въ совершенно случайномъ порядкѣ (такъ, напр., отрывки изъ дневника А. О. Смирновой, затерянные г-жей Евреиновой, вторично поступили къ намъ отъ О. Н. Смирновой *уже во время печатанія перваго тома*, а иные документы, обѣщанные намъ, до сихъ поръ еще не получены). Конечно, автору было бы гораздо удобнѣе и пріятнѣе, если бы разнообразныя матеріалы, касающіеся Гоголя, появлялись въ печати какъ можно скорѣе, особенно такіе, какъ капитальный трудъ Н. С. Тихонравова; но, къ сожалѣнію, это нисколько не зависитъ отъ его воли, и нерѣдко бываетъ, что новыя данныя о какомъ-нибудь періодѣ жизни и литературной дѣятельности Гоголя обнародываются уже тогда, когда возможность своевременнаго пользованія ими въ нашемъ трудѣ совершенно пропущена. Такъ, въ будущемъ году обѣщаны въ „Русской Старинѣ“ новыя письма Гоголя, а въ „Историческомъ Вѣстникѣ“

въ декабрьской книгѣ 1892 г. помѣщены воспоминанія о Гоголѣ его нѣжинскаго товарища Любича-Романовича въ передачѣ г. Шевлякова, касающіяся дѣтства нашего писателя¹⁾. Въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ разработка біографіи Гоголя представляетъ совершенно исключительныя трудности, съ которыми справиться вполне возможно было бы только при слѣдующемъ изданіи книги, если бы таковое потребовалось.

Кстати. Если бы оказалось со временемъ, что всѣ спорные вопросы біографіи Гоголя вполне исчерпаны и рѣшеніе ихъ признано критикой, *тогда уже*, послѣ надлежащей переработки и исправленій, можно было бы дать книгѣ названіе не матеріаловъ, а просто біографіи Гоголя. Но это дѣло не близкаго будущаго, а пока названіе „матеріаловъ“ должно между прочимъ служить предупрежденіемъ тѣхъ преувеличенныхъ и несправедливыхъ нападокъ, которымъ подвергается, напр., извѣстный трудъ проф. Висковатова о Лермонтовѣ, почему-то возбуждающій изступленныя придирки даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ за несомнѣнную точность передаваемыхъ данныхъ могъ бы *ручаться* только очевидецъ, и за то, что проф. Висковатовъ не имѣлъ въ виду нѣкоторыхъ показаній, сдѣлавшихся извѣстными другому лицу, хотя и далеко не имѣющихъ значенія несомнѣнныхъ фактовъ, а напротивъ весьма и весьма нуждающихся въ провѣркѣ.

Первый томъ настоящаго труда вызвалъ слѣдующія рецензіи и замѣтки въ нашихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ изданіяхъ. Назовемъ ихъ по времени появленія въ печати:

- „Вѣстникъ Европы“ (мартъ).
- „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (мартъ).
- „Русская Мысль“ (мартъ).
- „Книга о книгахъ“.
- „Книжный Вѣстникъ“ (мартъ).
- „Кіевская Старина“ (апрѣль).
- „Наблюдатель“ (апрѣль).
- „Историческій Вѣстникъ“ (апрѣль)²⁾.

¹⁾ Также въ только-что вышедшей январьской книгѣ того же журнала напечатаны воспоминанія о Гоголѣ И. Ѳ. Зодотиревъ, переданныя г. Ободовскимъ.

²⁾ Впрочемъ эта рецензія опровергнута въ слѣдующемъ же № журнала (см. „Историч. Вѣстн.“, V, 583—584).

„Русскія Вѣдомости“ (въ апрѣлѣ и 31 августа 1892 г.).

„Русское Богатство“ (іюнь).

„Артистъ“ (сентябрь).

„Библіографическія Записки“ (сентябрь).

„Сѣверный Вѣстникъ“ (октябрь).

„Русская Старина“ (декабрь).

Кромѣ того, вскорѣ по выходѣ моей книги появилась особая посвященная ей брошюра, подъ заглавіемъ: „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“ ¹⁾).

Всѣми указаніями критики авторъ предполагаетъ съ благодарностью воспользоваться при слѣдующихъ изданіяхъ книги, если таковыя понадобятся, и, насколько возможно, старался восполнить уже теперь замѣченные гг. рецензентами пробѣлы. Такъ, согласно мнѣнію, выраженному академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, въ приложеніяхъ къ слѣдующему тому будетъ помѣщена дополнительная глава о раннихъ литературныхъ опытахъ Гоголя, въ которой предположительно (*за недостаткомъ точныхъ данныхъ*), на основаніи извѣстнаго намъ о дѣтскихъ и юношескихъ упражненіяхъ Гоголя, будетъ высказано мнѣніе о степени вліянія на него Марлинскаго и подробнѣе будетъ изложенъ вопросъ о подражаніи Гоголя идилліи нѣмецкаго поэта Фосса, „Луиза“, въ его „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“; теперь же прибавлены замѣтки о бытѣ малороссійскихъ помѣщиковъ временъ Гоголя, при чемъ послѣднюю главу авторъ нашелъ возможнымъ связать съ послѣдовательнымъ изложеніемъ біографическаго матеріала въ настоящемъ томѣ. Въ виду того, что авторъ старается не ограничивать свою задачу однимъ изложеніемъ фактовъ жизни Гоголя, но находитъ необходимымъ разсматривать эти факты по возможности въ связи съ литературной дѣятельностью нашего писателя, внесеніе послѣднихъ, рекомендуемыхъ почтеннымъ академикомъ, прибавленій, казалось ему непротиворѣчащимъ общему плану труда и въ томъ мѣстѣ, которое теперь назначается этой главѣ). Такое, особенную благодарность приноситъ авторъ рецензенту „Вѣстника Европы“, г. А. В., и профессору Е. В. Лѣтухову, изъ которыхъ первый указалъ на умѣстность и необходимость въ моемъ трудѣ бібліографическихъ указаній, касающихся разработки свѣдѣній не только о жизни, но и

¹⁾ О ней см. въ приложеніяхъ къ настоящему тому.

о литературной дѣятельности Гоголя, а второй совѣтовалъ дополнить мое изслѣдованіе въ главахъ, посвященныхъ школьной жизни писателя, характеристикой быта самой школы и ея питомцевъ ¹⁾.

Далѣе, важными представляются соображенія нѣкоторыхъ гг. рецензентовъ о степени моего безпристрастія въ отношеніи біографическихъ данныхъ о Гоголѣ. Вопросъ этотъ весьма затруднительный и щекотливый, вызываетъ противоположныя мнѣнія. Одинъ изъ рецензентовъ (г. Витбергъ) требуетъ безусловнаго довѣрія къ Гоголю, считая чуть ли не святотатственнымъ посягательствомъ на память великаго писателя самую умѣренную и осторожную критику нѣкоторыхъ словъ въ его перепискѣ, представляющихся иногда не совсѣмъ вѣрными при сопоставленіи ихъ съ другими данными; другіе, какъ, напр., авторъ рецензіи въ „Наблюдателѣ“ и г. Иванъ Ивановъ—въ отдѣлѣ литературныхъ обозрѣній „Русскихъ Вѣдомостей“—упрекаютъ меня, наоборотъ, въ излишнемъ довѣрії и пристрастіи къ Гоголю.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о заглавіи. Особенно недоволенъ остался имъ г. Витбергъ, рецензентъ „Историческаго Вѣстника“, въ своей брошюрѣ „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“: г. Витбергъ упрекаетъ меня за то, что я не назвалъ свою книгу просто біографіей Гоголя. вмѣсто того, чтобы дать на это отвѣтъ съ своей стороны, приведу здѣсь слова профессора Пѣтухова, который вполне вѣрно понялъ мой взглядъ на дѣло и объясненіе котораго, къ сожалѣнію, было пропущено г. Витбергомъ. „Сочиненіе г. Шенрока“—говоритъ почтенный профессоръ—„дастъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ скромное его заглавіе. Конечно, его нельзя назвать біографіей Гоголя въ полномъ смыслѣ слова,—въ изданной его части есть не мало пробѣловъ и предположеній, которые въ будущей біографіи великаго писателя должны быть восполнены и замѣнены фактами совершенно опредѣленными и ясными; но едва-ли теперь можно поставить это въ вину автору разсматриваемаго сочиненія, *который находился въ зависимости отъ доступныхъ ему данныхъ*“, и проч.

¹⁾ Библиографическія указанія, относящіеся къ сочиненіямъ Гоголя, будутъ помѣщены при концѣ обзора его произведеній, а глава, касающаяся характеристики школьныхъ товарищей Гоголя, будетъ отнесена къ концу всего труда, въ виду того, что могутъ еще появиться въ печати относящіеся сюда данныя.

Относительно моей полемики съ лицами, изучавшими Гоголя, было высказано отчасти лестное для меня мнѣніе (въ „Русскомъ Богатствѣ“), что, будучи всегда вѣской и убѣдительною, полемика эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ является впрочемъ излишней и черезчуръ обстоятельною, тогда какъ для опроверженія противоположныхъ мнѣній не было вовсе необходимости входить въ тѣ подробности, которыя казались мнѣ умѣстными. На это я долженъ отвѣтить, что лично мнѣ трудно судить въ каждомъ данномъ случаѣ, насколько слова мои являются убѣдительными для другихъ, вслѣдствіе чего я могъ въ самомъ дѣлѣ переступить должную мѣру въ возраженіяхъ. Такъ, съ опроверженіемъ мнѣнія г-жи Черницкой, будто бы Гоголь былъ влюбленъ въ Александру Осиповну Россетъ, впоследствии Смирнову, согласился гг. академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, г. рецензентъ „Наблюдателя“ и, повидимому, г. рецензентъ „Русскаго Богатства“; послѣ этого, если такое мнѣніе не будетъ поддерживаться кѣмъ-либо снова въ печати, его можно будетъ считать окончательно отвергнутымъ ¹⁾; но пока критика не имѣла возможности высказаться о томъ или другомъ спорномъ вопросѣ, или высказалась, но не единодушно, съ нимъ приходится считаться. Быть можетъ, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, г. рецензентъ „Русскаго Богатства“ найдетъ и въ настоящемъ томѣ излишнимъ опроверженіе многихъ крайне ничтожныхъ и мелочныхъ придирокъ г. Витберга, но я все-таки считаю это необходимымъ, въ виду заявленія послѣдняго, что невниманіе къ его замѣткамъ показываетъ будто-бы неуваженіе къ самой разработкѣ біографіи Гоголя.

Внесеніе въ книгу вызванныхъ статьями г. Витберга возраженій, поправокъ и дополненій вмѣстѣ со многими другими причинами вынудило насъ дать болѣе обширный объемъ настоящему тому, вслѣдствіе чего вмѣсто обѣщанныхъ трехъ томовъ намъ придется, вѣроятно, выпустить уже четыре.

¹⁾ Наконецъ въ последнее время сама редакція журнала, въ которомъ прежде была помѣщена статья г-жи Черницкой, напечатала также вѣское опроверженіе ея неудачныхъ измышлений (см. „Сѣверн. Вѣстникъ“, 1893, январь). Этимъ опроверженіемъ пылкіиши редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ вполне добросовѣстно исправляетъ ошибку, допущенную редакціей г-жи Евреиновой (см. I-ый томъ нашего труда, стр. 327).

Н. В. ГОГОЛЬ

ВЪ ПЕРІОДЪ „АРАБЕСОКЪ“ и „МИРГОРОДА“

(1832—1835 гг.).

(Біографическія данныя и матеріалы для исторіи творчества).

